Будни без выходных (избранные главы)

Александр Гервасьевич Лебеденко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Я жил под впечатлением каменного мешка, железных стуков, которые казались мне зловещими, жутких нацарапанных на столе и стенах надписей былых обитателей камеры № 13, сумасшедших визгов и истерических криков, раздававшихся в верх-них и нижних камерах, щелчков глазка, не затихавших ни днем, ни ночью, безмолвия обслуги и охраны…" Так вспоминал в 1962 году писатель Александр Гервасьевич Лебеденко (1892–1975) свои впечатления от первых пяти дней пребывания в одиночной камере тюрьмы Большого Дома (здание Ленинградского управления НКВД). Его арестовали 14 февраля 1935 года. Это была первая серия арестов, последовавших за гибелью Кирова. Впрочем, Лебеденко не инкриминировали участие в смертоубийственном заговоре, он понадобился для лжесвидетельства на Н. Тихонова — тогда активно готовился крупный политический процесс над писателями, во главе которых, по замыслу инсценировщиков дела, должен был оказаться Тихонов.

Лебеденко исчез в лагерях на 20 лет.

В 1962 году, в пору попыток создания гулаговской литературы, Лебеденко написал автобиографическую книгу новелл "Будни без выходных". Напечатать ее тогда не удалось. Публикуем избранные главы этой книги.

- На путях к будущему
- В годы войны

На путях к будущему

Этап

Этап — это когда человек, его тело, его чувство достоинства, его гордость, его здоровье и болезни, его простейшие жизненные отправления, еда, питье и все прочее превращается в поклажу, которую упаковывают и везут так, как забивают в ящик или бочку сухую воблу или бросают в трюм малоценный генеральный груз.

На старых солдатских вагонах, именуемых "теплушками", была надпись — "сорок человек или восемь лошадей". В воинском эшелоне — двери настежь. Уборными пользовались на станциях. Самый эшелон чаще всего шел как скорый.

Эшелон Андрея плелся по сибирским дорогам неделями и месяцами. В вагоне было сорок два человека. Двери были на замке, окна зарешечены, высовываясь и даже выглядывая, можно было получить пулю. Все отправления совершались в вагоне.

А самое главное это было то, что из сорока двух человек двадцать один были политическими и двадцать один — уголовными.

Скорпионы и фаланги?.. Нет. Скорпионы и пичужки…

Карзубый

Это был худой, необычайно юркий, всегда с прищуренными глазами человек. Звали его "Карзубый" потому, что рот его был полон золотых зубов.

Власть его над своими была непререкаема.

Его понимали с полуслова. Только изредка, для самых молодых, требовался подзатыльник. К общему удивлению, это был еврей.

С первого взгляда было ясно — дело здесь не в физической силе. Во всем величии здесь вставал и господствовал не сразу, но накрепко завоеванный темными и ловкими делами авторитет.

Это был человек, с которым опасно было соперничать и необходимо было дружить.

Эшелон третьи сутки стоял на запасных путях большой столичной станции. Люди не спали. Страдали от жажды. Было

томительно до невозможности. Так как это было начало ноября, самые наивные ждали — наступает двадцатилетие — конечно, будет амнистия. Озлобленные скептики именовали их "круглыми идиотами".

В ночь на седьмое прошел слух, что эшелон наконец тронется.

Куда? Неизвестно.

В вагоне были нары. На них с налету, вплотную разместились двадцать человек. Конечно, это были урки.

Двадцати двум предстояло устраиваться как угодно. Карзубый неоднократно предлагал Андрею место наверху:

— Давайте свои вещи.

Конечно, все дело было в вещах.

Вещи, в сущности, были дрянь. Поношенные остатки заграничных путешествий. Но заграничное происхождение и необычный вид делали их для этих наивных ребят лакомой приманкой.

Пойдет эшелон — из-за вещей, конечно, начнется свалка.

Для Андрея дело было не в вещах, а в чувстве достоинства, в характере.

Итак, свалка безоружных с озверелыми ребятами, у которых припрятаны ножи и бритвы. На стороне Андрея — старики, растерявшиеся и просто трусы.

Если б можно было отдать это барахло без потери достоинства, Андрей отдал бы, но подчиниться насилию — никогда! А свалка на ходу поезда, несмотря на его решимость и силу, — это гибель.

Земляк

Карзубый уделяет Андрею массу внимания.

Перед отправкой он еще раз предлагает:

— Как вы будете спать на полу? Давайте ваши вещи.

— Спасибо. Я привык спать сидя…

— Хорошенькая привычка!

Карзубый не унимается:

— Вы сами откуда?

— Из Ленинграда…

— Там родились?

— Нет, я родился на Украине.

— На Украине? А в каком городе?

— В городе Ч.

— В Ч.?

Глаза Карзубого широко раскрыты. Он больше не щурится.

— А как ваша фамилия?

— Быстров.

— А ваш папа был врач?

Пришла очередь удивляться Андрею.

— Откуда вы знаете?

— А вы помните сапожный магазин на Дворянской против банка?

— В одной половине часовщик, а в другой сапожник?

— Ну конечно же! Ой! — задыхается Карзубый. Он взволнован, он хватает Андрея за руку…

— А хозяин — высокий старик с узкой седой бородой, — вспоминает Андрей.

— Так это мой папа…

— А на тротуаре на стуле полная дама в ситцевом платье вяжет чулок?

— Так это моя мама.

— …и двое ребят, — уже сочиняет Андрей.

— …так это мы с братом! Послушайте, кладите ваши шмутки рядом со мной, забирайтесь сами и будьте абсолютно спокойны.

Карты или Александр Дюма?

Двадцати летний юбилей Октября сам по себе, а вагон с сорока двумя з/к сам по себе.

Идет он куда-то в неизвестное, освещенный стеариновым огарком, весь сотрясающийся, гремит колесами. По крыше, стуча сапогами, бегает охрана. Никто больше не говорит об амнистии.

— Слушайте, — шепчет Карзубый на ухо Андрею, — рассказывайте что-нибудь, иначе будут карты…

У Андрея странное чувство. Он понимает — предстоит испытание силы слова, единственное в своем роде состязание искусства с инстинктом. Может быть, битва не на жизнь, а на смерть. Воровские рассказы были бы вернее всего, но он их почти не знает, тюремных сохранилось в памяти слишком мало.

На помощь, великие мастера сюжетного рассказа, Дюма, Скотт, Конан Дойл, Мопассан, Эдгар По, и в первую очередь непревзойденный Дюма! Спасайте!

— Хотите слушать роман? — небрежно спрашивает Карзубый.

— Давай, давай!

— Валяй, завинчивай!

— Только, чтоб забористо! — несется из утонувших во тьме углов.

Андрей устраивается удобней и начинает.

Дрожит, скрипит вагон, выстукивают колеса. Пламя огарка колеблется от сквозняков. Дрожат, прыгают тени. Свеча гаснет и загорается вновь. Все лица обращены к Андрею. Таинственный остров Монте-Кристо, алмазы, золото, несчетное богатство, таинственная власть.

Юноши, соскользнувшие с жизненных дорог, опьянены.

Могут ли быть лучшие слушатели? Они готовы отдать в распоряжение рассказчика последнюю закрутку. Только общая усталость и конец свечи позволяют оборвать рассказ на самом остром месте. Вагон затихает.

— А завтра будет?

— Будет.

Андрей засыпает, словно после тяжелой работы, положив голову на мешок с барахлом.

Хи-бу

Ночью незаметно уплыл старый стального цвета костюм.

Карзубый поморщился.

— Не поднимайте шуму… Верну.

На другую и третью ночь повторилась та же история.

— Ну я не знаю, что с этим костюмом делать.

— Ладно, я сам.

Андрей подстерег. Пригодились уроки джиу-джитсу. За костюмом больше не охотились.

На седьмой или восьмой день, после раздачи хлеба и воблы, открылась дверь и двое часовых втолкнули в вагон человека…

Он встал на пороге, ногой оттолкнул лежащего на полу у самой двери и ждал. По вагону прошел шепот.

Молоденький белобрысый вор по команде Карзубого соскочил с нар, и на это место взобрался пришедший.

Он сидел, по-восточному скрестив ноги. Свет, падавший от узкого оконца, осветил восковое лицо с раздавшимися скулами и по-мертвому оловянными глазами. Он не проронил ни слова, не повернул головы. Ему дали кусок хлеба и рыбу. Он жевал, как автомат, не шевелясь телом, ни к кому не обращаясь,

безучастный, как идол, медленно оживающее изваяние.

Но весь вагон уже знал, это — Хи-бу, джунгар, бандит и убийца.

Позже стало известным, что он проломал пол в вагоне и на ходу спрыгнул на шпалы. Его затравили собаками, четыре дня продержали в вагоне-леднике и теперь осчастливили вагон Андрея.

Хи-бу сидел молча и неподвижно, пока эшелон не тронулся с места.

Когда в окошко идущего вагона заглянула ночь и на ящике закачался огарок, Хи-бу вскочил с легкостью акробата, схватил двухдюймовую доску, уронив на пол сидевших на ней людей, сломал ее в руках, как тонкую щепку, и с рычанием зверя начал колотить обеими половинами направо и налево.

Потом он остановился и стал ждать.

Плача, стоная, нижний этаж понес ему дань. Он собрал все в кучу, сложил в чей-то мешок и опять, скрестив ноги, уселся у окошка.

Верхних он не трогал. Это были "свои".

В Томске Андрей видел — оскалив зубы, смеясь, Хи-бу поднимал скаты — два вагонных колеса с осью — тридцать пять пудов.

Это был человек с повадками и дикостью тигра. Вскоре в лагере он был расстрелян.

Великая лень

Все были голодны. Очень голодны.

Мороз на дворе и снег на нарах, проникавший сквозь широкие щели барака на пересылке, увеличивали неприятные ощущения в желудке.

Поэтому Андрей и его товарищи готовы были возликовать, когда им предложили разбиться на шестерки, и в каждом маленьком кругу, дымясь и благоухая, возникали солидные бачки белой жести.

В борще были кости, были сухие овощи, были даже обрезки окорока. И, как броненосцы в тропической гавани, плавали среди этого цветного изобилия большие черные водяные жуки. Их было ровно шесть. По одному на едока. Их крепкие крылья не разварились, словно они были из вороненой стали. Андрей подумал о бумажке.

Но бумажки не было даже на завертку. Впрочем, не было и табаку. Жуков выловили пальцами…

Кто-то серьезно спросил:

— Интересно, жуки входят в раскладку?

Это был, конечно, самый наивный из шестерки. Но все было так непривычно и необычно… Все могло прийти в голову.

Подавальщик, который пробыл здесь уже неделю и считал себя аборигеном, пальцами выловил одного из жуков, осмотрел его, понюхал и сказал:

— Вот сволочи! Опять взяли воду из болота.

От него Андрей и его товарищи узнали, что за чистой водой надо было ходить за двести метров, а запущенный пруд (несправедливо именуемый болотом) был рядом.

Итак, раскладка, повар и добродушный завхоз были ни при чем.

— Лень-матушка и тут налицо. Великая лень) — облизывая деревянную ложку, сказал седой, пока еще грузный человек, в прошлом главный бухгалтер.

Он был самым дальновидным из всех.

Таков был первый лагерный обед Андрея.

Он был далеко не самым невкусным.

Начальник Досич

Так вот он — лагпункт — конец пути. Первое пристанище надолго. Глубока, многоводна и извилиста река Чулым. Широка и болотиста ее пойма там, где она принимает в себя быструю Яю. Над поймой невысоко подымается зеленая грива — в ней проволокой и сухим плетнем отгорожена небольшая зона.

Этап сложил вещи у вахты. Прежде чем войти в зону, надо пройти баню.

Баня — вот она — белый сруб, но из трубы ни струйки дыма, а холодная баня — какая же это баня?

Приказано войти. Приказано раздеться и сдать белье и одежду в прожарку.

— А жару-то и нет, — ухмыляется банщик. — В лесу живем, а дров нету…

Какая-то женщина в белом — должно быть, врач — трижды меняет приказы: раздеться, одеться, сдать все вещи, сдать только белье, оставить верхнее… и опять все сначала…

Андрей сидит на прилавке, покачивая голыми ногами. На нем

шапка, пояс и очки, остальное — в чем мать родила.

Входит высокий человек в рыжей кубанке. Глаза зеленые, острые, и весь он легкий и острый. Держится прямо. Говорит отрывисто. Больше спрашивает. Отвечает ему сутуловатый, одетый в лагерное субъект, который держится на полшага сзади.

— Почему не все вещи сдали?

— Жару-то нет, — шепчет субъект.

Человек в кубанке не обращает внимания на реплику…

— Русским языком сказали…

Андрея берет злость:

— Я, наверное, лучше вас знаю русский язык, а понять ничего не могу…

— Что он сказал? — прищурившись, спрашивает человек в кубанке.

— Он говорит, что лучше вас знает русский язык, — пожимает плечами субъект. Весь он — злорадство и благородное негодование…

— Фамилия?

— Быстров, — отвечает Андрей. Он уже понимает — сделал глупость.

Человек в кубанке резко поворачивается и уходит.

Банщик подходит к Андрею и шепчет:

— Это же Досич!

— Ну так что?

— А то, что тебе, парень, хана без музыки. — В голосе банщика презрение — дескать, так дураку и надо!

Андрей делает вид, что ему наплевать, но в душе он клянет свою неосторожность. Чего ради?

То один, то другой сообщают ему, что Досич — это начальник лагпункта, что он здесь и царь, и бог, и пресвятая троица, что он сам был заключенным за участие в банде, что подхалимы приносят ему из тайги в клетках сотню птичек и он отщипывает ногтями головки воробьям, малиновкам и овсянкам.

Все это говорится то злорадно, то с сочувствием, и Андрей ложится спать с мыслью — если не случится чуда, жить ему здесь да и вообще недолго…

Чудо все-таки случилось

Небольшой кабинет Досича переполнен. Пришел и Андрей. Никто не хотел начинать первым.

— Как фамилия? — спрашивает Досич Андрея.

— Быстров.

— Статья?

— 58, пункт 10, часть первая.

— Профессия?

— Писатель.

— Ну что ж, нам интеллигентные люди нужны.

В набитой людьми комнате происходит то, что в театре зовут — движение.

— Это приятно слышать, — неуверенно, вполголоса говорит Андрей и ждет злой шутки, издевательства или чего похуже.

Досич делает заметку на листке блокнота.

— Следующий. Фамилия?

— Карпов.

— Статья?

— 58–10, часть первая.

— В лес.

У Карпова одна нога — протез.

— Следующий. Фамилия?

— Леонов.

— Статья?

— 58–10, часть первая.

— В лес…

У Леонова одна нога — кость, обернутая кожей. Ходит он на костыле.

И так дальше…

Утром, в темноте палатки, однорукий нарядчик Т. читает список идущих на лесоповал. Фамилии Андрея нет.

— А я? — спрашивает Андрей.

Т. проверяет список.

— Вас нет.

— А что же мне делать?

— Лежи на нарах. Нужно будет — вызову.

Но на таких нарах долго не улежишь. Разве свалит с ног мертвецкая усталость.

Палатка на двести пятьдесят человек. По краям две железные печки. Нары двухэтажные, но вместо досок — горбыли. Сверху хвойные ветки. Лежать на них мучение, сучья врезаются в тело. За все отвечает пальто — оно и простыня, и матрас, и одеяло.

Проходит неделя. Все, кроме дневальных, уходят в лес до вечера, Андрей бродит без цели по зоне. Спасаясь от крепкого мороза, пилит дрова для кухни, топит печь, колет лед у порога, носит воду.

Недоумевает почему так случилось? Тешит себя мыслью, что

его выручила смелость.

Много позже, когда он узнал, почему его на этот раз миновали прелести лесоповала, за эти мысли он обругал себя самонадеянным идиотом.

Архиепископ Томский и Барнаульский

Маленький, сухой, жилистый, с курчавой редкой бородкой, одетый в телогрейку, ватные брюки и валенки, он показался Андрею не то извозчиком, не то прасолом, но скорее всего церковным пономарем.

В чем нельзя было ошибиться, это в том, что человек этот переполнен злобой. Она бушевала в нем, не стихая, и то и дело вырывалась наружу, как пена из только что открытой бутылки пива.

Сидел он на краю грубо сбитого стола, единственного в этой своеобразной конторе. Во главе стола сидел инженер Денисов. Когда Андрей явился к нему и по-военному, пытаясь даже щелкнуть каблуками галош, сообщил, что его направил нарядчик, Денисов с грустью сказал:

— Понятия не имею, что я с вами буду делать. И где вас сажать.

За столом сидели человек двадцать впритирку. Даже левая рука каждого таилась под столом, появляясь только по мере крайней необходимости.

— Вы бухгалтер?

— Нет.

— Счетовод?

— Нет.

— В конторе работали?

— На пересылке недели две, а так никогда.

— Что же вы умеете?

Андрей разводит руками.

— Ну, садитесь там, с краю. Будете чертить бланки.

С краю сидел "пономарь". Он не пожелал подвинуться. Да и некуда было, Андрей стоял, выжидал, "Помомарь" кипел.

— Что ж, я под стол нырну? Что ли?

— Двигайтесь, двигайтесь, ваше преосвященство, — смеясь, сказал Денисов. — Уж как-нибудь устраивайтесь. Помогайте ближнему…

В этой тесноте Андрей за весь день сумел начертить по

образцу две ведомости.

— Ну что ж, аккуратно, — заметил, принимая работу, Денисов. — А знаете, сколько дневная норма? Пятьдесят штук.

На другой день Андрей начертил восемь. Дальше десяти дело не пошло. "Пономарь", оказавшийся архиепископом, шипел, как испорченный кран водопровода. Андрей не выдержал и пригрозил ему дать после работы по уху.

Архиепископ посмотрел на Андрея с презрением.

Он легко делал на турнике "солнце" и сгибал в сухих пальцах подкову.

В годы войны

Четыре шага

В полдень Андрей зашел в барак, чтобы выпить кружку кипятка с кусочком хлеба. Но он тут же забыл о завтраке, услыша» позывные радио. Это была речь Молотова… Война!

Лагерь охватила тревога.

Вечером комендант предложил Андрею собрать вещи. Никто ничего не говорил, но что могло быть хорошего?

Начальник, старший лейтенант, посмотрел на Андрея, с трудом тащившего накопившееся за годы барахло.

— Я дам телегу под вещи…

Их было пятеро: трое заключенных, двое часовых с винтовками. Один из часовых сел в телегу, другой пошел в десяти шагах позади.

Поселок тянулся вдоль железнодорожной насыпи. Впереди была река с берегами, заросшими густым камышом. Возница хотел было повернуть в объезд. Часовой сказал:

— Держи прямо.

Возница удивленно посмотрел на часового, но направил лошадь к камышам. У самых зарослей он опять остановился.

— Слезай, — скомандовал часовой.

Андрей спрыгнул налево, где было посуше.

— Бери вещи.

Слева высокая насыпь, прямо — камыши и вода.

— Валяй прямо…

Пожелтевшие в сухое лето камыши трещат под ногами. А вот и первые признаки воды.

— Неужели расправа? — думал Андрей. Бежать?

Но позади винтовки… И куда? Без документов? А, черт с ним, все равно пропадать! — Он зашагал по дорожке у самой насыпи.

Камыши скрыли все — и воду, и землю, и небо.

— И чего тянут?

— Взбирайтесь на насыпь!

Все четверо карабкаются наверх. Открываются железнодорожные пути. Впереди мост без перил и бескрайнее небо…

Часовой смеется.

— Жаль мне вас было. Вещей сколько. В обход три километра, а тут, через мост, рукой подать. Четыре шага.

"Никонова"

Ни красотой, ни яркой индивидуальностью она не отличалась. Но на лагпункте были только две интеллигентные женщины, и, конечно, обе были в центре мужского внимания, а в клубе, где действовала самодеятельность, обе были нарасхват. Обе сидели за мужей. ЧСИР.

Когда следователь сказал Андрею, что на него дает показания Валерия К., он только улыбнулся. Вот уж с кем не стоило вести разговоры о политике,

— Как вы относитесь к Валерии К.?

— Очень хорошо… Но не понимаю, зачем вам свидетели? Вы обвиняете меня в том, что мне не нравятся аресты детей, стариков, жен. А кому это может нравиться? Но я не вел никакой агитации.

— А она показывает, что вели, последовательно и настойчиво… Хотите очную ставку?

— Хочу…

Два часа ночи. В комнате зеленый полумрак. Кругом тишина. Следователь с усталыми, красными, как у рыбы, глазами перебирает какие-то бумаги. Андрей сидит на табурете у двери. Валерия К. опирается локтем на стол следователя. Она спокойна, только папироса в руке дрожит. Следователь пункт за пунктом зачитывает показания. Свидетельница тихо, но уверенно отвечает:

— Да, подтверждаю.

— Как вы можете?! — почти кричит Андрей.

Свидетельница молчит, как будто ничего не слышит.

— Какая мерзость!

— Не оскорбляйте свидетельницу. Вы сами сказали, что относитесь к ней хорошо.

— Но в ее показаниях нет ни слова правды!

Следователь переходит к новым пунктам.

Андрей умолкает. Бесполезно спорить.

Как это делалось

Был суд. Вернее, издевательство над судом. Судьи рассказывают друг другу анекдоты. В зале, кроме Андрея, только часовой с винтовкой. Новые десять лет. Семь месяцев на штрафном (достойные отдельной книги). После штрафного — отдаленные лагпункты, где коптилки, клоповые березки,

матерщина, издевательство, лесоповал, лапти. Прошел ряд лет. И вот Андрей, по требованию главбуха, бывшего заключенного, как опытный прогрессист — на центральном лагпункте, где все напоказ, двухэтажные бараки, отдельные койки, электричество, баня с парилкой, ни одного клопа, а главное, начальник Харламов — строгий, но вдумчивый, доступный и даже справедливый, насколько это возможно в такой системе.

Валерия К. уже закончила срок и работает в Управлении.

— Она так хотела бы увидеться с вами.

— Никакого желания!

— Она так переживает, она постарела…

— Меня не касается.

— Зачем так жестоко?

— Послушайте, — сдерживая возмущение, говорит Андрей, — я понимаю — не она, так другая. У меня нет к ней никакой личной неприязни, но нам решительно не о чем говорить…

Все же общие друзья настояли.

Поседевшая, с желтым лицом, неуверенно вошла она в мастерскую художника Годлевского и остановилась у порога.

— Я хочу вам только рассказать…

— Если вам так необходимо — говорите, — не подавая руки, сказал Андрей. — Садитесь.

— Меня вызывали каждую ночь в течение двух месяцев. Я отказывалась подписать то, что от меня требовали.

Андрей пожимает плечами — к чему все это?

— Потом мне сказали, что в случае отказа мне продлят срок заключения, до особого распоряжения… А мне оставалось только шесть месяцев.

— Да, это великая трагедия! — иронически замечает Андрей.

— Потом меня вызвали еще раз, и следователь спросил: "Знакома вам эта фотография?" Я ответила: "Да, это моя дочь". "Она закончила десятилетку и собирается в медицинский институт? Так вот, если не подпишете, ей не видать высшего учебного заведения, как своих ушей". Я расплакалась и сказала: "В ваших руках сила, вы можете сделать все, что хотите. Но я не могу подписать ложный донос на человека… которого…"

Андрей сделал нетерпеливый жест рукой:

— И это все?

— Нет. Меня вызвали еще раз. Предупредили, что это последний разговор. Следователь протянул мне папку с делом. "Смотрите, — сказал он. — Дело Быстрова Андрея. Статья 58, п. 10, часть I. Теперь смотрите кодекс". Он раскрыл страницу, где была 58-я статья, нашел пункт 10, часть первую, обвел ногтем:

мера наказания от шести месяцев до десяти лет лишения свободы. "Вы Фандеева знаете?" Кто же его не знал? Самый мерзкий негодяй на лагпункте, способный продать отца за пол-литра. "Так вот, слушайте внимательно. Если вы окончательно откажетесь подписать показания, мы вызовем Фандеева, он покажет, что Быстров занимался агитацией уже после объявления войны. Мы переквалифицируем статью, применив пункт 10, часть вторая, а тогда… Смотрите кодекс". Часть вторая — мера наказания от трех лет до высшей меры. "Сейчас идет война… Мы расстреляем Быстрова. Подумайте и решайте". Что я могла сделать? — По лицу Валерии текли слезы.

— Не плачьте, — сказал после паузы Андрей. — Скорее всего, вас взяли на пушку… Но кто знает… Я уже говорил вам, что и раньше не держал злобы на вас. Не вы, так другая. Может быть, Фандеев. Можете считать, что вы спасли мне жизнь.

Валерия посмотрела на Андрея долгим взглядом, спрятала платочек в сумку и ушла, попрощавшись кивком головы.

Сашка Чудаков

Пятая, особая секция на штрафном была узкая, длинная, с нарами по обе стороны. В ней жили поляки, приговоренные к расстрелу, но ждущие освобождения в связи с переговорами с Андерсом. Бытовики-убийцы, ожидающие перевода в тюрьму, поволжские немцы, какие-то "шпионы" и бывшие коммунисты, получившие в дни войны новые сроки.

В соседних секциях жили бытовики из тех, которые были нестерпимы даже в лагерных условиях.

В секции жили по внешности дружно и уважительно. Предчувствие смерти и ожидание новых бедствий равняли всех. Но жили замкнутыми группами. Поляки вечно шептались между собой. Их качало между страхом смерти и надеждой. Коммунисты жили между призраками войны, о ходе которой они ничего не знали, и глубокой оскорбленностью тем, что от них не принимали заявлений о посылке на фронт. Немцы затаились. Как докажешь, что новая родина могла стать им дороже земли предков?!

Однажды в секцию вошел высокий, одетый во все "свое", статный человек с вещами.

Он осмотрелся, решительно направился к окну и сказал дневальному:

— Убери!

И пока тот собирал вещи бригадира лаптеплетов, уселся у стола.

— Подмети! — скомандовал он. И опять дневальный беспрекословно выполнил приказ.

Вся секция в напряженном молчании наблюдала, что будет дальше.

Пришедший вновь отправился к окну и, несмотря на то что на дворе был сорокаградусный мороз, настежь открыл большую форточку.

В секцию протянулась густая борода морозного пара. Все стали набрасывать на себя бушлаты и пальто, но никто не осмелился возражать. И только один старик, с большевистским подпольным прошлым, со странной фамилией Венский, вечно ходивший с повязанным горлом, сказал:

— Вы же не один здесь. Нам холодно.

— Что вы сказали? — спросил, поднимаясь, пришедший.

— Я сказал, что вы здесь не один, и секцию уже проветривали.

Пришедший подошел вплотную к смельчаку. Он долго молча сверху вниз смотрел на него. Маленький Венский стоял, не отступая ни на шаг, но дрожа от негодования и, может быть, от страха.

Пришедший круто повернулся и обронил:

— Ну жди!

На Венского смотрели как на обреченного.

В бараке все уже знали, что в секции будет жить знаменитый Сашка Чудаков. Кто не слышал о нем, тому со всех сторон стремились, конечно шепотом, сообщить все легенды об этой лагерной знаменитости.

В прошлом Чудаков был агентом угрозыска. Молодой, атлетически сложенный, чемпион бокса и джиу-джитсу, ловкий, хитрый и абсолютно бесстрашный, он мог быть красой и гордостью своей организации, но погубила его какая-то неестественная, патологическая неспособность сдерживаться. Он не терпел никакого противоречия, никаких возражений и на всякое несогласие отвечал ударом кулака, ножом или кастетом. За ним числилось несколько убийств, побегов, смертных приговоров, которые обычно заменялись десятью годами. Ведь он не носил титула "врага народа".

Он перебывал на многих лагпунктах, во многих тюрьмах. Начальство и охрана втайне боялись его, а за его бесстрашие до случая использовали в роли коменданта.

Рассказывали, что, когда на одном лагпункте молодежь,

бывшие комсомольцы, подняла бунт и, вооружившись ломами, лопатами, топорами, забаррикадировалась в одном из углов зоны, Сашка Чудаков без всякого оружия ворвался в самую гущу смельчаков, отобрал у них топоры и лопаты, и только тогда охрана, предварительно залив непокорных ледяной водой из пожарного шланга, пересажала их в кондей до разбора дела.

Чудаков не признавал ни паек, ни столовой. Он заходил в хлеборезку попробуй, не пусти его! брал буханку под мышку и уходил. Обед ему приносили в барак. Повару говорили: "Это Александру Ивановичу", и тот со страхом накладывал ему такую порцию мяса или рыбы, которой хватило бы на десять человек.

В секции водворился хозяин, привыкший к безотказному повиновению себе. Все без исключения говорили с ним почтительно, величали Александром Ивановичем, уступали дорогу, место у стола, выполняли все его причуды.

Андрею, лежавшему почти что рядом с Чудаковым, пришлось еще раз подумать, как держать себя с этим ненормальным человеком. Склониться перед его дурашливой волей? Но это было невыносимо постыдно и, кроме того, ничего не гарантировало. Быть всегда начеку! Быть всегда под страхом нелепой стычки!

Впрочем, Чудаков первое время вел себя в секции спокойно.

Настал банный день. Одно из испытаний, которое на штрафном было, пожалуй, хуже всего прочего.

Баня была за зоной. Под усиленным конвоем, под расставленными на крышах пулеметами два раза в месяц выводили по сто пятьдесят заключенных и выстраивали перед баней, вмещавшей нормально двадцать пять человек. Впускали по пятьдесят. Пока шла обработка и раздевание первой партии, сто человек мерзли на жестоком морозе. Затем впускали следующую полусотню. Последняя группа входила, когда первая уже одевалась. Эти последние, в свою очередь, мерзли, пока все сто пятьдесят человек не заканчивали процедуры.

Что творилось в самой бане?! Попробуйте описать это отделение ада. Воды и шаек не хватало, из-за них шла драка. Многие так и не успевали помыться. Обувь, пояса, шапки, очки — все, что нельзя было сдать в прожарку, некуда было спрятать. Их воровали и прятали из озорства или чтоб получить выкуп. Часто нельзя было найти то головной убор, то ботинки. Но охрана с этим не считалась — хоть вой! А мороз к вечеру…

На войне хитрость считается частью боевого искусства. Андрею хотелось утешить себя хоть этим соображением.

Он подошел к Чудакову в раздевалке и, протягивая ему носовой платок с восемьюдесятью пятью рублями, сказал:

— Александр Иванович, у меня вот тут деньги. Я близорукий,

у меня без очков стянут. Не трудно вам будет спрятать у себя?

Чудаков внимательно посмотрел на Андрея.

— Да, мы с вами соседи. Хорошо, давайте.

На улице он вернул платок и сказал:

— Пересчитайте.

— Я давал вам не считая и возьму не считая, — ответил Андрей, пряча платок.

Этот нехитрый прием обеспечил Андрею что-то вроде уважения Чудакова.

Прошло больше двух месяцев. Однажды Чудаков, чем-то возбужденный, вечером ворвался в секцию, бросился прямо к месту, где лежал Венский, и кухонным ножом распорол ему живот.

Венский умер в тот же вечер.

Чудакова взял кум с вооруженной охраной.

Говорили, что на пути в тюрьму, на перроне станции, Чудакова застрелил начальник конвоя.

Степан Шевцов

Степана Шевцова Андрей знал понаслышке еще на воле как одного из пионеров — создателей бронетанковых сил Союза. В лагерь он попал по доносу: будто на товарищеской вечеринке рассказал какой-то анекдот.

Трудно было представить себе этого спокойного, умного, полуофицера, полуученого, старого члена партии в роли пьяного болтуна. Его задумчивые светло-серые глаза, темное, словно осыпанное пеплом, лицо, могучая фигура, всегда содержательная речь привлекали Андрея. Прежде Степан соглашался с Андреем — писать жалобы бессмысленно. Но с момента объявления войны его словно подменили. Шевцов принялся за "литературу". Так в лагере называли писание жалоб.

— Надо писать, Андрей Георгиевич, надо! Пусть десятая, пусть сотая — попадет же наконец жалоба в настоящие руки! Ведь мы просимся на фронт. Наше место на передовой. Ведь я комбриг танковых войск! Я командовал крупными со* единениями. Я обучил сотни молодых танкистов. Поймут же нас, в конце концов. Не могут не понять. Здесь я ем хлеб даром, а там я нужен, нужен! Здесь подо мной горит земля.

Он уходил, весь охваченный потоком невысказанных мыслей и возмущением. Похоже было, что он бьется в бетонном склепе,

задыхаясь и от смертельной его непроницаемости, и от чьего-то упрямого нежелания откликнуться на его призыв.

Однажды его вызвал цензор. Он вертел в руках очередное ходатайство Шевцова, написанное на многих листках бумаги.

— Послушайте, Шевцов, когда вы кончите эту писанину? Ну кто пустит на фронт изменника родины? Да и не идут никуда эти ваши произведения. Удивляюсь, как вы этого не понимаете?

— А я вот удивляюсь вам, гражданин начальник, почему вы не на фронте, а прячетесь здесь, на этой, с позволения сказать, работе?

— Ну, ну! — прервал его, вставая, цензор. — Начальство лучше знает, где я нужнее. Идите, пока я вас не запрятал… поглубже.

Он с презрением швырнул конверт Шевцову.

— Тут вам хоть эта бумага понадобится, а то пользуетесь то травой, то стружками…

Шевцов забрал свой пакет, спрятал в карман и вышел.

— Писать я все-таки буду, — сказал он Андрею. — Только посылать буду налево. Не может быть, чтоб меня лишили права защищать родину. Никогда, никогда не поверю!